

Бабич А.В.
главный специалист
ГКУ «Государственный архив
Краснодарского края»

**Изменение количества православных приходов на Кубани,
как результат государственной политики советской власти в отношении
Русской Православной Церкви
(1920-1953 гг.)**

Вопрос о количестве православных храмов и молитвенных домов¹, действовавших на территории Краснодарского края в советский период, имеет немаловажное значение, так как в определенной мере представляет результат, к которому приводила государственная политика в отношении Русской Православной Церкви в советский период. Речь идет о том, что именно в зависимости от политической ситуации, которая менялась и заставляла правительство изменять свое отношение к Церкви, количество приходов, включающих в себя православные храмы и молитвенные дома, то увеличивалось, то резко сокращалось. И, если в период с марта 1920 по август 1942 года (то есть до начала оккупации Краснодарского края гитлеровцами), когда патриаршая православная церковь считалась едва ли не контрреволюционной организацией, а православное духовенство сплошь «черносотенным», количество православных приходов, в результате их массового закрытия под давлением власти, составляло к лету 1942 всего лишь 7, то в последующее время оно стало увеличиваться, и к июлю 1947 г. составило 243 официально зарегистрированных властью общины, что в целом составило не менее 50% дореволюционного уровня [1].

В данном исследовании проводится сравнительный анализ количества православных церквей и молитвенных домов с момента установления советской власти на Кубани до начала правления Н.С. Хрущева, то есть до начала новых открытых гонений на православие в СССР, когда число православных приходов вновь начало резко сокращаться. В статье также предпринята попытка сравнить (сопоставить) в процентном отношении количество православных приходов в Краснодарском крае с общим числом храмов, созданных в момент наивысшего расцвета церковного строительства на Кубани в составе православной империи, поэтому точкой отсчета берется начало XX века.

Для достижения цели исследования использованы как опубликованные источники, в частности Справочник по Ставропольской епархии, составленный священником Н.Т. Михайловым в 1910-1911 гг., так и документальные материалы, отложившиеся в составе архивного фонда «Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю», хранящегося в ГКУ «Государственный архив Краснодарского края».

---

¹ Каждая церковь или молитвенный дом в советский период регистрировались как община, представляющая в церковном отношении приход.

Поскольку в отчетах и докладных записках Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Краснодарскому краю, дается анализ сведений о количестве храмов и молитвенных домов, действовавших на территории Краснодарского края (ранее – Кубанской области) с начала XX века, обратимся к этим материалам.

В отчете за первый квартал 1944 г., составленном 1 апреля этого года, Уполномоченный Кириллов приводит данные о количестве церквей в Кубанской области и Краснодарском крае в период с 1917 по 1941 годы с указанием количества обновленческих приходов²: «В 1917 году здесь насчитывалось 667 церквей; в 1926 году – 501, в том числе обновленческих 453 и тихоновских 48. До немецкой оккупации на территории Краснодарского края функционировало 7 церквей, из которых 4 обновленческих и 3 тихоновских. В Краснодаре действовали одна обновленческая и одна тихоновская церкви, помещавшиеся в здании Георгиевского храма» [2].

При рассмотрении этих данных возникает вопрос: из какого источника взята информация о том, что на Кубани в 1917 году насчитывалось 667 церквей? Известно, что в Справочнике по Ставропольской епархии, составленном священником Н.Т. Михайловым в 1911 году, собрана информация о наличии 413 храмов и молитвенных домов, действующих в Кубанской области по состоянию на 1911 год [3]. Поскольку Черноморская губерния позднее вошла в состав Кубано-Черноморской области, то к этому количеству можно прибавить еще 23 храма, действовавших на территории Черноморской губернии [4]. Выходит, что в общей сложности к 1911 году на Кубани и в Черноморской губернии действовало всего 436 храмов и молитвенных домов. По данным Уполномоченного получается, что за 6 лет (1912-1917) на территории будущей Кубано-Черноморской области был открыт еще 231 новый храм (молитвенный дом), что вызывает сомнение³.

К сожалению, на данный момент нет обобщенных данных по области по состоянию на 1917 и последующие годы, так как документы за этот пери-

---

² Обновленцы, сторонники религиозного обновленческого течения внутри Русской Православной Церкви (РПЦ) 1920-40-х гг. XX в. Обновленческое течение, нередко именуемое церковным расколом, берёт начало в религиозном реформаторстве конца XIX - начала XX вв. Обновленцы ставили своей задачей приспособить церковь к изменившимся после Октябрьской революции 1917 условиям. Основные группы: «Живая церковь», «Церковное возрождение», «Союз общин древнеапостольской церкви» - возникли в 1922. Обновленцы выступали против церковного руководства во главе с патриархом Тихоном, провозгласили своим принципом лояльность по отношению к советскому государству. Идеологи обновленчества (митрополит А. И. Введенский и др.) проповедовали «коммунистическое христианство». Они ратовали за возвращение к т. н. демократическим порядкам раннего христианства, стремились отождествить коммунизм и христианство. Обновленцы внесли ряд изменений в церковное устройство, культ и быт духовенства (высшее церковное управление, демократизация прихода, женатый епископ, второбрачие духовенства, богослужение на русском языке и др.). Сущность политической и социальной переориентации обновленчества сводилась к разрыву с дворянско-монархическими традициями. Программа обновленчества разрабатывалась на их Поместных соборах в 1923 и 1925 годах. Деятельность обновленчества в известной степени способствовала эволюции русской православной церкви на пути лояльности к Советской власти. В то же время, обновленчество, возникшее внутри РПЦ не без помощи и поддержки советской власти, не было поддержано ею в 1945 году, и прекратило свое существование вскоре после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945, когда обновленческое духовенство со всеми своими приходами вернулось в состав РПЦ.

³ В 2012 г. в г. Ставрополе вышел справочник Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843-1920 гг.), согласно которому, на территории Кубанской области и Черноморского округа значится всего 530 храмов, включая единоверческие, молитвенных домов и домовых церквей.

од сохранились не полностью и специальный учет храмов не велся ни в период гражданской войны, ни в первые десятилетия советской власти (то есть до времени образования Совета по делам Русской Православной церкви в 1943 г.), однако для сравнения можно привести данные об изменении количества православных храмов в г. Екатеринодаре (Краснодаре) с 1911 по 1922 годы. В 1911 году в г. Екатеринодаре насчитывался по Н.Т. Михайлову 21 храм, включая так называемые «домовые церкви», то есть церкви, действовавшие при учебных заведениях и народных домах; в списке церквей г. Краснодара, «составленном Кубанской епархиальной канцелярией 8 мая 1922 г., в связи с поручением Кубано-Черноморской областной комиссии по изъятию церковных ценностей» значится уже 32 храма, в том числе: 15 церквей, 1 молитвенный дом, 5 монастырских подворий и 11 домовых церквей [5], то есть к моменту установления советской власти на Кубани количество церквей и молитвенных домов в г. Екатеринодаре возросло с 21 до 32. Возможно, что фактически число это было меньшим, так как часть монастырских подворий действовала на Кубани и до 1917 года, но в Справочнике Н.Т. Михайлова они не указаны, так как не входили на тот момент в состав Ставропольской епархии, как например, Свято-Георгиевский храм, являвшийся подворьем Георгиевского Балаклавского монастыря [6].

Конечно, в период 1-й мировой войны 1914-1918 гг. на Кубани был открыт целый ряд новых храмов, однако цифра 231 все же вызывает сомнение. Можно допустить, что до 1917 года в Кубанской области были построены десятки новых храмов, но не сотни. Косвенно это подтверждается тем, что и в 1911 и в 1916 годах на Кубани действовало 27 благочиннических округов [7]. В случае строительства такого количества храмов должно было увеличиться и количество благочиний, но этого не произошло. Так что в целом, вопрос остается открытым и цифра, приведенная Уполномоченным, нуждается в уточнении. В связи с этим, вызывает также сомнение и цифра, о количестве храмов, действовавших на Кубани в 1926 году.

После краткой характеристики дореволюционного и довоенного положения Русской Православной церкви в крае, Уполномоченный переходит к периоду Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., сообщая о том, что «...С приходом немецких оккупантов на Кубани вновь стали повсеместно открываться церкви и молитвенные дома. Существовавшая полемика между тихоновцами и обновленцами обострилась. Тихоновцы всячески порицали обновленцев, обвиняли их в просоветском настроении и т.п. Но немцы никакого значения этому не придавали, однако главную ставку в своих мероприятиях брали на тихоновское духовенство, но не притесняли и обновленцев. Так, за период оккупации было открыто: тихоновских – 100 и обновленческих – 92 культа. Обновленцы не отставали от тихоновцев в открытии церквей главным образом потому, что во главе их стоял епископ, имевший право рукополагать в священники, чего не имели тихоновцы. Для устранения этого препятствия последними был организован так называемый «пресвитерский совет», а также принимались меры к назначению епископа, чего, однако,

провести не удалось в связи с очищением Красной Армией территории Кубани от немецких захватчиков...» [8].

Здесь также присутствует некоторая разница в цифрах. По данным историка М.В.Шкаровского, проводившего изучение материалов в центральных архивах, в Краснодарском крае в период оккупации было открыто не 192, а 229 храмов [9].

К сожалению и в этом вопросе сложно поставить точку, так как документы о регистрации церковных приходов оккупационными властями на хранение в государственный архив не поступили, и мы не можем точно подсчитать, сколько именно действующих храмов было зарегистрировано оккупационными властями в период временной оккупации Краснодарского края. Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что эта цифра перешагнула за 200, что составило около 50% дореволюционного уровня, если учесть, что данные Уполномоченного (667 храмов) значительно преувеличены.

Затем Уполномоченный информирует о том, как менялось количество храмов после освобождения края от гитлеровцев: «С изгнанием немецких оккупантов с Кубани количество церквей и молитвенных домов уменьшилось и летом 1943 года их насчитывалось 143. Уменьшение количества религиозных культов произошло по причине, частично, бегства духовенства с немцами, а также по причине произведенного изъятия из пользования церковных общин общественных зданий (школ, клубов, и т.п.).

В дальнейшем, выждав момент и убедившись, что советские органы никаких мероприятий против церкви не проводят, духовенство и церковники вновь начали вести работу по открытию церквей и молитвенных домов. В результате, на 1 апреля с.г. религиозных культов Русской Православной Церкви в крае насчитывается 219, из них: патриарших – 133 и обновленческих – 86». Информация сопровождается выводом: «Таким образом, количество религиозных культов Русской Православной Церкви в крае в настоящее время насчитывается больше, чем их было в период оккупации» [10].

В 1943-1945 гг., после освобождения края от гитлеровцев, начался процесс регистрации духовенства, церквей и молитвенных домов. Процесс этот имел определенные сложности, связанные не только с организационными моментами, но и с преодолением церковного (обновленческого) раскола внутри православной церкви.

В отчете Уполномоченного от 31.01.1945 г. указано, что к 1 января 1945 года в крае функционировало 237 церквей и молитвенных домов с наличием духовенства: священников – 248, дьяконов – 29 и псаломщиков – 72 чел. В отчете также представлены сведения о ходе регистрации православных общин и духовенства в крае, которая к этому времени еще не была закончена. За прошедший 1944 год, отмечал Уполномоченный, на рассмотрении находилось 67 заявлений верующих об открытии церквей и молитвенных домов, из них 18 оставалось от 1943 года, 49 вновь поступило в 1944 г., 2 снято с рассмотрения по причине фальсификации, 9 отклонено епископами (патриаршим и обновленческим), 53 рассмотрено крайисполкомом, причем 42 из них отклонено, 6 удовлетворено решениями крайисполкома по той при-

чине, что эти церкви и молитвенные дома действовали в 1942-1943 гг. и решений советских органов об их закрытии не выносилось. 5 новых заявлений об открытии приходов было удовлетворено. 22 заявления поступило повторно. Кроме этого поступило 18 жалоб на принятые решения об отклонении ходатайств (в их числе несколько жалоб от одних и тех же заявителей). По двум из этих жалоб были вынесены решения крайисполкома об удовлетворении ходатайств верующих. Все остальные жалобы были оставлены без рассмотрения, по многим из них Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР сообщил верующим, что со своей стороны не находит оснований к пересмотру решений крайисполкома.

На этот момент в крае, согласно данным Уполномоченного, складывалась следующая ситуация: из 79 районов края и 7 городов районного подчинения действующие церкви и молитвенные дома имелись в 68 районах и 6 городах; в г. Туапсе и 11 районах края (Адлерском, Армянском, Геленджикском, Крымском, Нефтегорском, Новолеушковском, Туапсинском, Шапсугском, Тахтамукаевском, Теучежском и Шовгеновском) действующими церквями не было.

Из 33 районов и городов Краснодарского и Новороссийска, в которых были действующие церкви, поступило 48 заявлений; из 12 районов, в которых не было действующих церквей, поступило всего 19 заявлений, причем из них было удовлетворено только 6. Любопытен тот факт, что из 31 района, в котором были действующие церкви, и из 3 так называемых национальных районов (Армянского, Тахтамукаевского и Теучежского), в которых их не было, заявлений не поступило.

Кроме того, Уполномоченный вынужден признать факт, что поступление большого количества заявлений верующих об открытии церквей, при наличии 237 действующих, объясняется не только «организационной деятельностью духовенства, монашеского элемента и церковников», но также и дальностью расположения действующих церквей и молитвенных домов от места жительства заявителей, которые не желали оставаться без духовного окормления.

В связи с этим, он намечает в 1945 г. перемещение церквей и молитвенных домов из районов, где их имеется много, в районы, где церквей нет, или же они «находятся на значительном расстоянии друг от друга, не увеличивая, благодаря этому, общее количество действующих церквей и молитвенных домов в крае», что вполне соответствовало указаниям советского правительства [11].

К концу марта 1945 г. на рассмотрении крайисполкома находилось 20 заявлений об открытии церквей и молитвенных домов, в их числе 13 повторных, из них 1 отклонено решением крайисполкома, 5 направлены в Совет с заключением об удовлетворении, 3 отклонены епископом, 1 снято с рассмотрения, 10 находятся в стадии рассмотрения [12].

Из числа 5 удовлетворенных, 4 ходатайства удовлетворены путем перемещения молитвенных домов, с помощью епископа Флавиана (Иванова).

С рассмотрения снято повторное заявление, поступившее в январе 1945 г. от группы верующих ст. Черноерковской одноименного района. При этом Уполномоченный указывает на причину отказа, сообщая, что в ходе проведенного им расследования установлено, что заявление написано не группой верующих, а учителем немецкого языка местной школы Мозолевским Г.Д. (1869 г. р.), который в прошлом был священником и имел академическое духовное образование. К сожалению, Кириллов не уточняет: сколько подписей было поставлено под этим заявлением. В ответ на это сообщение Совет обращает внимание Уполномоченного на то, что «проверка и рассмотрение заявлений верующих проходит медленно, рекомендует принять меры к ускорению их рассмотрения, а также предлагает: «вызвать к себе гр. Мозолевского для беседы... и разъяснить ему, что церкви открываются по желанию и ходатайству самих верующих, а не отдельных лиц» [13].

16 июня 1945 г. Уполномоченный подвел общий итог и сообщил Совету о наличии в крае 87 действующих церквей и 154 молитвенных домов (всего 241). Из них, добавляет Кириллов, до начала гитлеровской оккупации действовало 7 церквей, в период оккупации открыто 208, после освобождения края в феврале 1943 г. вновь открыто 19 церквей, в течение 1944-1945 гг. еще 7. Под молитвенные здания занято 94 государственных и общественных здания, в том числе 37 зданий были в свое время переоборудованы для культурно-просветительских целей из закрытых церквей (бывшие клубы, школы и пр.) [14].

В 1945 г. сведения о количестве действующих в крае приходов еще уточнялись, и подвергались изменениям. Так, если в отчете от 01.04.1944 указано, что в крае в период оккупации было открыто 192 православных прихода (100 тихоновских и 92 обновленческих), то в отчете, составленном в июне 1945 г., сообщается уже об открытии в период оккупации – 208 приходов.

К декабрю 1945 года в составе Краснодарской епархии действовало 237 приходов (в том числе 85 церквей и 152 молитвенных дома) (на 4 меньше, чем в июне 1945) [15], из которых зарегистрировано лишь 207, «остальные 30 общин не зарегистрированы, хотя некоторые из них представили материалы, но они или не полны, или неправильно оформлены». В это же время в Краснодарской епархии служили 281 чел. священников и диаконов, однако из них зарегистрировано только 209. Тут же Уполномоченный уточняет, что «Помимо вины в этом самих верующих и духовенства, значительную долю ответственности за наличие незарегистрированных общин следует отнести на местные советские органы, которые очень мало интересуются этим вопросом и допускают к действию незарегистрированные приходы и служителей культа» [16].

К апрелю 1946 г. в крае функционировало 86 церквей и 149 молитвенных домов (всего 235), так как с учета были сняты молитвенные дома в хут. Дмитриевском Кошехабльского района и в ст. Вышестеблиевской Темрюкского района, как фактически не действующие [17]. При этом вновь зареги-

стрировано 13 священников и 2 диакона, а снято с регистрации 24 священника и 1 диакон [18].

Во 2 квартале⁴ 1946 вновь открыто 3 прихода (в ст. Нижегородской Тульского района, в с. Лазаревском одноименного района и в г. Туапсе), в результате чего общее количество приходов в крае увеличилось с 235 до 238. При этом действующие церкви отсутствовали в 5 районах края: Тахтамукаевском, Теучежском, Шовгеновском, Армянском и Нефтегорском [19].

Здесь важно отметить, что указанное количество храмов и молитвенных домов было не в состоянии вместить необходимое число верующих, особенно в праздничные дни, что являлось причиной не только неудобства, но даже страданий людей от недостатка воздуха и страшной тесноты.

Для сравнения Уполномоченный приводит сведения о посещении ряда станичных⁵ церквей в обыкновенные и праздничные дни, причем уточняет, что они взяты из отчетов настоятелей, «склонных к преуменьшению».

Вот эти данные [20]:

[Наименование населенного пункта]	Обыкновенные дни	Двунадесятые праздники	Престольные праздники	Пасха
ст. Бородинская	25	200	500	700
ст. Брыньковская	70	500	не был	1000
ст. Ольгинская	60	300	-	600
ст. Приморско-Ахтарская				
Воскресенская церковь	100	500	1000	1000
Николаевская церковь	150	1000	1000	1200
хут. Свободный	15	50	-	150
ст. Степная	100	300	-	500
ст. Кущевская	200	1000	2000	3000
ст. Кисляковская	300	500	2000	2000
сел. Алексеевка	100	300	500	500
ст. Иванов-Слюсарев.	50	100	100	100
сел. Глебовка	50	200	300	300
ст. Шкуринская	200	300	500	500

К этому следует добавить, что приходы, расположенные собственно в церковных зданиях (например, по состоянию на 1 июля 1946 г.)⁶ насчитывали 87 единиц, остальные же 151 фактически занимали жилые помещения, переоборудованные под молитвенные дома [21].

К началу октября 1946 г. зарегистрирована еще одна община в ст. Безводной Тульского района, благодаря чему общее количество приходов увеличилось до 239. В то же время за период с 1943 по 1946 гг. отказано в регистрации 66 приходов (при этом 10 заявлений оставались еще на рассмотрении), что в общей сложности составляло 315 общин, которые могли бы открыться в случае положительного решения вопроса [22].

⁴ В это время Уполномоченного Совета Кириллова сменил Литвинов.

⁵ Посещение городских церквей превосходило и это количество.

⁶ Впоследствии эти цифры претерпевали существенные изменения.

К началу 1947 г. изменений в количестве приходов не происходило, однако, уже во втором квартале 1947 г. (к началу июля) по решению Совета по делам Русской Православной Церкви было открыто 4 новых прихода в станицах – Старо-Леушковской, Ярославской, Староджерелиевской и Выше-стеблиевской, причем во все вновь открытые приходы сразу же были направлены священники. Таким образом, общее количество церквей на данный момент составило 88, молитвенных домов – 155 (итого 243 общины⁷). Кроме того в Совет были представлены ходатайства об открытии 3-х молитвенных домов в пос. Хадыжи Нефтегорского района, ст. Анастасиевской Славянского района и ст. Ахтанизовской Темрюкского района.

В то же время Епископ Флавиан отозвал священника из молитвенного дома в городе Ейске, находящегося на кирпичных заводах и объединил приход с другим городским приходом, вследствие чего Уполномоченный начал оформлять материал о закрытии общины в г. Ейске [23].

К октябрю 1947 г. в 243 приходах служило 260 священников, из них – 34 в городах, 225 – в сельских населенных пунктах, 1 в рабочем поселке; 14 диаконов, из них – 7 в городах, 7 – в сельских населенных пунктах и 36 псаломщиков, служивших в сельских населенных пунктах [24].

В следующем квартале Уполномоченным были сняты с регистрации 4 общины с указанием причин их ликвидации:

«1. В хуторе Свободном Приморско-Ахтарского района за бездеятельность общины, отсутствие священника более года.

2. В станице Безводной Тульского района, в которой священника нет более года и епископ не желает назначать.

3. В городе Ейске община русской православной церкви помещалась под одной крышей со школой. Епископ снял священника, приписал общину к Николаевскому молитвенному дому, имущество передали другой общине, снята как самоликвидировавшаяся.

4. В станице Ново-Владимирской Тбилисского района, в которую долгое время Епископ не посылает священника вследствие малопродуктивности прихода, и, кажется, не желает совершенно посылать, церковный совет приглашает бродячих священников для службы» [25].

Также было отказано в регистрации Хадыженской православной общине, которая неправильно указала размер помещения под молитвенный дом. На рассмотрении остались ходатайства из станиц Анастасиевской, Ахтанизовской и города Новороссийска, которые были возвращены Уполномоченному из Совета для оформления подписью председателя крайисполкома, и оставлены на следующий год.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на некоторое увеличение количества приходов в течение 1947 года, к концу этого года общее количество их осталось прежним [26]:

на 01.01.1947 г.	на 01.01.1948 г.
------------------	------------------

⁷ Наибольшее количество православных общин зарегистрированных в советский период.

всего церквей	в т.ч. типовых	молитвенных домов	всего церквей	в т.ч. типовых	молитвенных домов
239	88	151	239	86	153

И далее в отчете Уполномоченный делает вывод: «...Считаю, что в Краснодарском крае имеется значительная насыщенность церквей и в будущем году открытие новых церквей возможно только при снятии с регистрации систематически бездействующих церквей...» [27].

Однако с 1948 г. новые приходы в крае уже не регистрируются, а приходы, зарегистрированные к этому времени, начинают постепенно сокращаться.

В 1-м квартале 1948 г. с регистрации сняты 2 православные общины - в ст. Приморско-Ахтарской одноименного района, где имелось до этого две общины, и в хуторе Железном Усть-Лабинского района, как бездействующая более 1 года. Отказано в регистрации общине с. Киевского Крымского района за отсутствием культового здания [28]. Всего действующих общин в результате этого осталось 237, в том числе церквей – 86, молитвенных домов – 151 [29].

В указанных общинах служили: в городах - 33 священника, 7 диаконов, 15 псаломщиков; в сельских населенных пунктах – 205 священников, 6 диаконов, 88 псаломщиков (Итого: 238 священников, 13 диаконов, 103 псаломщика) [30].

К декабрю 1948 г. было снято с регистрации еще два молитвенных дома: в ст. Вышестеблиевской Темрюкского района и в ст. Шабельской Лиманского района, при этом общее количество общин сократилось до 235 [31].

В 4-м квартале этого же года Уполномоченный получил сведения о том, что в крае действуют два незарегистрированных молитвенных дома – в хут. Куликовском Ленинградского района и в сел. Новомихайловка Кушевского района. Уполномоченный сообщил об этом председателям райисполкомов для принятия мер к недопущению служб [32].

В этом же квартале поступило заявление об открытии монастыря в бывшей Св.-Михайло-Афонской пустыне под Майкопом, где в то время находился дом отдыха. Инициаторами открытия монастыря были: Комарова Акилина Евстафиевна, вдова, бывшая рабочая дубильного завода, Помозанова Елена, вдова и Лопатина Анания Касьяновна, жена регента Св.-Николаевской церкви. Заявители получили отказ [33].

Во втором квартале 1949 г. снято с регистрации два молитвенных дома: в ст. Петропавловской Темиргоевского района (так как там до этого было 2 молитвенных дома, причем один занимал здание школы) и в ст. Плоской Калниболотского района (поскольку здесь больше года не было священника) [34]. К этому моменту в крае служило в городах 29 священников, в сельских населенных пунктах 206 священников (итого 235).

В это же время продолжались несанкционированные богослужения в хут. Куликовском и с. Новомихайловка, в которых участвовали от 50 до 80

человек [35], так как, очевидно, серьезных мер к «нарушителям закона» до сих пор принято не было...

В докладной записке Совету от 25 августа 1949 г. Уполномоченный сообщал о том, что практически все молитвенные дома на данный момент находятся в арендованных у станичных советов помещениях – бывших кулацких и бесхозных жилых домах. Из большинства общественных зданий молитвенные дома уже вытеснены. В результате этого вытеснения общинами куплено 81 здание и уплачено за них 2.686.000 рублей [36].

Здесь необходимо небольшое пояснение. Трения между церковными общинами из-за размещения молитвенных домов возникли практически сразу же после начала регистрации православных общин в конце 1943 начале 1944 гг., поскольку верующие стали требовать возвращения им тех зданий, которые до революции являлись храмами, церковными сторожками, домами священнослужителей, либо церковно-приходскими школами, стоявшими обычно в центре станицы или поселка, на самом видном месте. Власть же, наоборот, стремилась перенести церковные здания на окраины, используя бывшие храмовые сооружения, занимавшие центры населенных пунктов, под клубы, больницы, учебные заведения или склады, игнорируя заявления верующих о том, что, согласно издавна укоренившейся религиозной традиции «храм является самым святым, самым дорогим местом», а потому должен находиться «только в центре станицы на главной площади» [37].

Для иллюстрации можно привести пример из отчета Уполномоченного от 05.10.1949: «В городе Геленджике, - сообщает он, - в 1945 году была открыта церковь.

В 1947 году восстановлена 1-я школа. В 1948 году вторая школа, и церковь оказалась между этими школами.

Школьники небольшую площадь вокруг церкви использовали для игр, а летом эта площадь была занята палатками, и в школах были пионерские лагеря приезжих пионеров из центра.

Горсовет, райисполком, вынесли решение о том, чтобы общину перевести в другое церковное здание, находящееся в городе Геленджике, на кладбище.

Крайисполком решение райисполкома утвердил, а я ездил и объявил церковному Совету решение, установил срок перехода в новое здание.

В настоящее время производится ремонт здания и в ближайшее время община перейдет» [38].

К началу октября 1949 г. было снято с регистрации по стандартным причинам еще три общины: в станицах Ереминской Лабинского района, Усть-Лабинской и Андреевской Кагановичского района, что сократило общее количество приходов до 230 (79 церквей, 151 молитвенных домов).

Все вновь поступившие и прежние заявления об открытии общин, в том числе ходатайства самого епископа об открытии молитвенных домов в поселке Хадыжи Нефтегорского района и станице Ильской Северского района, были отклонены, несмотря на мотивацию епископа о том, что в этих районах стало усиливаться сектантство (баптизм) [39].

Из вышеприведенных данных можно сделать заключение о том, что с 1948 года в Краснодарском крае начинается постепенное сокращение количества православных приходов, однако следует отметить, что процесс наступления на церковь не был таким решительным и бесповоротным, как в период правления Н.С. Хрущева, а к 1951 г., как будет видно из приведенных ниже материалов, фактически был приостановлен). В связи с этим можно привести один любопытный пример, связанный с инициативой, фактически предложенной Совету краевыми властями в октябре 1949 года. В данном случае речь идет об общинах, находящихся в арендуемых у станичных сельсоветов помещениях. Таких общин в Краснодарском крае насчитывалось 63. Учитывая этот факт, крайисполком дал секретное указание председателям райисполкомов, в районе которых имелись здания, принадлежащие государству и переданные в аренду общинам русской православной церкви, «договоры по окончании срока [с ними] не перезаключать», о чем и сообщил Уполномоченный в Совет по делам Русской Православной Церкви 5 октября 1949 г. 28 октября этого же года Г.Г. Карпов не замедлил дать следующий ответ: *«Совет считает нецелесообразным давать указания райисполкомам, запрещающие перезаключение договоров с религиозными общинами на арендуемые ими у стансоветов здания для молитвенных целей, так как, при наличии в крае 63 молитвенных домов, находящихся в арендованных зданиях, выполнение такого указания приведет фактически к кампании массового закрытия молитвенных домов, что не может не вызвать протестов и нежелательной активности со стороны многих групп верующих.*

Более правильным будет решать этот вопрос в каждом отдельном случае, исходя из конкретной обстановки, не допуская огульного отказа в перезаключении договоров» [40].

Возможно, что эта инициатива, проявленная со стороны краевых властей, была пробным камнем, заброшенным в столицу – а не пора ли начинать массовое закрытие церквей на Кубани? Как на это смотрит Правительство СССР? Ответ получили отрицательный: «Совет считает нецелесообразным...».

Тогда Уполномоченный Литвинов поспешил уже 9 ноября 1949 г. «внести ясность»: «...Из 63 зданий нужно исключить 25 больших церковных сторожек, 8 зданий переданных на правах восстановления в бесплатное и бессрочное пользование.

На эти здания договора перезаключены на арендные.

В отношении остающихся 30 зданий по арендным договорам только 5-ти общинам срок аренды наступает в 1949 году, у 20 общин срок в 1950 году и у 5-ти в 1951 году.

Никакого «массового закрытия» это мероприятие вызывать не может.

В каждом отдельном случае решается вопрос отдельно, исходя из конкретной обстановки.

Но это мероприятие, имеет то положительное значение, что мы не будем получать замечания на конференциях и в других местах о том, что об-

щины, при отсутствии квартир для учителей, помещений для детсадов и др., занимают капитальные здания.

30 зданий освободить в течение 3-х лет трудности не составит...» [41].

К началу января 1950 г. «вследствие бездеятельности» с регистрации снято три общины: в станице Махосhevской Ярославского района, в хуторе Нововысоченском и в хуторе Тиховском Красноармейского района, в связи с чем, общее количество приходов составило 227 (79 церквей и 148 молитвенных домов) [42]. При этом без священников с 1949 года на Кубани оставались 12 молитвенных домов, которые Уполномоченный также предлагал Совету снять с регистрации [43]:

1. Станица Баговская – с 1 мая 1949 года.
2. Хутор Белый – с 12 июня 1949 года.
3. Село Высокое – с 17 июня 1949 года.
4. Хутор Незаймановский с 15 июля 1949 года.
5. Село Петровское – со 2 июля 1949 года.
6. Станица Баракаевская – с 10 сентября 1949 года.
7. Станица Беслинеевская – с 12 октября 1949 года.
8. Станица Дмитриевская – с 9 октября 1949 года.
9. Станица Новопластуновская – с 25 августа 1949 года.
10. Станица Новоромановская – с 24 октября 1949 года.
11. Станица Хамкетинская – с 9 октября 1949 года.
12. Станица Чернореченская – с 1 августа 1949 года.

21 января 1950 г. Совет признал возможным снять с регистрации 7 общин из 12 (в ст. Баговской, хут. Белом, с. Высоком, хут. Незамаевском, с. Петровском, ст. Новопластуновской, ст. Чернореченской), но при этом предупредил Уполномоченного, чтобы он не превращал это в кампанию, а делал постепенно, «через некоторые промежутки времени» [44].

К апрелю 1950 г. с регистрации были сняты общины:

1. в станице Баговской Псебайского района
2. в хуторе Белый Павловского района
3. в хуторе Незаймановском Тимашевского района
4. в селе Петровском Отрадненского района
5. в станице Ново-Пластуновской Павловского района
6. в станице Черноерковской Псебайского района.

В результате общее количество приходов сократилось до 221 (77 церквей, 144 молитвенных дома) [45].

По состоянию на 1 апреля 1950 г. в храмах Кубани служило 233 священника [46].

В следующем квартале с регистрации снято еще 5 общин:

1. В г. Кропоткине - Успенская церковь (до войны церковь была переоборудована под пионерский клуб, теперь ее вновь передали клубу);
2. В станице Новоромановской Тихорецкого района – церковь (до войны церковь была переоборудована под клуб, теперь ее вновь передали клубу);
3. В ст. Баракаевской Мостовского района - церковь;

4. В хут. Полтавченском Кущевского района – молитвенный дом;
5. В селе Ильинка Кущевского района молитвенный дом.

После снятия с регистрации на 1 июня 1950 г. в крае осталось 216 приходов (74 церкви, 142 молитвенных дома) [47].

В этом же квартале поступило ходатайство о регистрации общины в ст. Курчанской Темрюкского района. В регистрации было отказано через крайисполком по причине «отсутствия культового здания» [48].

В отчете Уполномоченный также упоминает 7 населенных пунктов (ст. Рязанская, ст. Ильская, г. Нефтегорск, хут. Лебеди Гривенского района, ст. Мингрельская, ст. Курчанская, ст. Каладжинская), где верующим ранее было отказано в регистрации, однако они, несмотря на запреты, собирались, читали Евангелие и акафисты, пели молитвы и т.д. [49].

Затем Уполномоченный Литвинов был снят с занимаемой должности и с 27 июля 1950 на его место назначен Полунин. В отчете за третий квартал, составленный в октябре 1950 г. он сообщал, что в этот период не было снятия с регистрации или закрытия церквей, однако длительное время бездействовали на этот момент 7 молитвенных домов: в хут. Александровском Ладожского района, в ст. Атамановской Павловского района, в хут. Забойском Красноармейского района, в ст. Абадзехской Тульского района, в ст. Малотенгинской Отраденского района, в ст. Бородинской Приморско-Ахтарского района, в ст. Раевской Верхнебаканского района. Во всех указанных молитвенных домах священников не было, и Уполномоченный никого туда не направлял [50].

В следующем отчете Полунин указал, что к 1 января 1951 г. на учете в крае значилось 215 приходов (68 церквей и 147 молитвенных домов). Очевидно в четвертом квартале было закрыто 2 общины.

Все действующие церкви и молитвенные дома размещались следующим образом:

75 - в зданиях, переданных в бессрочное и бесплатное пользование Советами; 24 - в коммунальных зданиях местных Советов на условиях аренды; 1 - в колхозном здании на арендных условиях; 22 - в арендованных зданиях у частных лиц; 91 - в зданиях, купленных на правах собственности; 2 общины (в ст. Раевской Верхнебаканского района и в ст. Алексеевской Кущевского района) не имели зданий под молитвенные дома, так как срок аренды у них истек, в связи с чем, им было предложено подыскать другие здания [51].

Отмечая эти факты, Уполномоченный выражает обеспокоенность тем, что верующие испытывают «огромную тягу» к приобретению в собственность зданий под молитвенные дома, так как содержание их обходится значительно дешевле, чем аренда. Только в 1950 г. было приобретено 14 зданий, а всего к этому времени уже 91-й общине принадлежали собственные здания [52].

Новые молитвенные дома по-прежнему не открывались, несмотря на то, что ходатайства к Уполномоченному продолжали поступать, например из пос. Ильского Северского района, хут. Полтавченского, ст. Ильинской Кущевского района, ст. Андреевской Кагановичского района, ст. Новопласту-

новской Павловского района, хуторов Тиховского и Забойского Красноармейского района, хутора Нововысоченского Штейнгардтовского района, станции Бородинской Приморско-Ахтарского района [53].

Молитвенные дома, закрытые ранее, как, например в ст. Новопластуновской (в нач. 1950 г.), более не возобновлялись, как «прекратившие свою деятельность» [54].

В то же время, несмотря на то, что по сообщениям Уполномоченного, 12 православных общин не имели священников и не проводили богослужений, на протяжении всего 1951 года ни одна община не была снята с регистрации, то есть закрыта [55].

Во 2-м квартале 1952 г. количество общин, у которых отсутствовали священнослужители выросло до 19, в 3-м и 4-м кварталах – до 21, однако и в этих случаях ни одна община не была ликвидирована [56].

Здесь необходимо уточнить, что разрешение на закрытие общин мог дать только Совет, а поскольку таких разрешений не давалось, то закрытие православных приходов было фактически приостановлено.

Более того, 26-27 ноября 1952 г. на заседании Совета по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР был заслушан вопрос о работе Уполномоченного Совета по Краснодарскому краю тов. Полунина. В постановлении Совета было отмечено, что «в работе т. Полунина имеет место администрирование в отношении духовенства (неправильное снятие священников с регистрации) и несвоевременное представление им в Совет информации по вопросам, заслуживающим внимания..., Совет обязывает т. Полунина устранить в своей работе указанные недочеты.

Совету предусмотреть командирование в 1-м квартале 1953 года в Краснодарский край Члена Совета для проверки работы т. Полунина и оказания ему практической помощи» [57].

В первом квартале 1953 г. по указанию Совета было снято с регистрации два молитвенных дома, таким образом, к 1 апреля в крае значилось 213 церквей и молитвенных домов. Из их числа в 19 молитвенных домах не проводилось богослужений:

- 1) хут. Александровский Ладожского района с 15/X-1952 г.;
- 2) с. Алексеевка Кушевского района с 22/VII-1952 г.;
- 3) ст. Ахметовская Упорненского района с 22/IX-1952 г.;
- 4) с. Беноково Мостовского района с 30/VI-1952 г.;
- 5) с. Балгово Ладожского района с 15/VIII-1952 г.;
- 6) ст. Воронцовская Новотитаровского района с 22/IX-1952 г.;
- 7) с. Высокое Адлерского района с 20/III-1950 г.;

Примечание: ввиду малых доходов никто из служителей культа в с. Высокое не идет.

- 8) ст. Ирклиевская Гражданского района с 4/VI-1952 г.;
- 9) с. Кулешово Белоглинского района с 8/VI-1952 г.;
- 10) ст. Нижегородская Тульского района с 16/VI-1952 г.;
- 11) с. Новопавловское Белоглинского района с 23/VI-1951 г.;
- 12) ст. Староджерелиевская Красноармейского района с 3/VI-1952 г.;

- 13) ст. Хамкетинская Мостовского района с 4/VI-1952 г.;
- 14) с. Воронцово-Дашковское Белореченского района;
- 15) хут. Гречаная Балка Кагановичского района;
- 16) с. Новопетровское Павловского района;
- 17) ст. Воздвиженская Темиргоевского района;
- 18) ст. Тенгинская Усть-Лабинского района;
- 19) ст. Атаманская Павловского района.

При этом Уполномоченный уточняет: «Первые 13 приходов по заявлению арх[иепископа] Гермогена вакантные, не хватает священников.

Последние шесть м/домов, сняты с учета и не числятся в списках приходов, служба в них не производится уже около 2-х лет и более. Архиепископ Гермоген заявляет, что он в эти приходы священников посылать не будет, так как верующие не обеспечивают содержания причта и молитвенных зданий» [58].

К 1 января 1954 г., с согласия Совета было закрыто еще два прихода в станицах Атаманской и Новопетровской.

Из 211 церквей и молитвенных домов в крае действовали – 44 типовых церкви, из которых 18 церквей в городах, одна в курортном поселке Лазаревском и 25 церквей в сельской местности. 18 молитвенных домов размещены в бывших церковных зданиях, которые до войны занимались культурными учреждениями.

«Из 63 районов и городов краевого и областного подчинения, в пяти районах - церквей и молитвенных домов нет. К таким районам относятся: Нефтегорский; Туапсинский; Тахтамукаевский; Теучежский; Шовгеновский. Из числа состоящих на учете церквей и молитвенных домов – в 12-ти службы проводятся ежедневно, в 183-х в воскресные дни, в 16-ти служба не проводится уже больше года. В 1953 году четыре таких молитвенных дома сняты с учета (закрыты). Имеются все основания для снятия с учета в 1954 году и этих 16 недействующих молитвенных домов. Два из них представляю Совету в январе текущего года.

Ходатайств на имя уполномоченного об открытии новых молитвенных домов в четвертом квартале не поступало» [59].

На этом по существу заканчивается период краткого послевоенного подъема Русской Православной Церкви, который характеризуется возрождением православных приходов и укреплением позиций православного духовенства. С приходом к власти Н.С. Хрущева начинается новый период в истории церкви в СССР, период массового закрытия православных общин и наступления на духовные завоевания русского народа.

Однако из приведенных выше документов мы видим непоследовательность церковной политики в СССР в рассматриваемый период. Возможно, дело в том, что, несмотря на попытки достичь определенного соглашения с Русской Православной Церковью и даже использовать ее в государственных интересах, советская власть оставалась подчеркнута атеистической, поэтому деятельность Церкви выходила за рамки идеологической концепции советского строительства, а вера по-прежнему считалась пережитком прошлого. В

то же время, верующие люди уже не считались потенциальными врагами советской власти, как это было в довоенный период, а советское государство, если и не отказалось полностью от революционной свержидеи – ликвидировать Православную Церковь как организацию, все же отодвинуло ее на неопределенный срок.

Источники и литература:

1. ГУК КК «Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 84, 94.
2. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
3. Справочник по Ставропольской епархии. Составил свящ. Н.Т. Михайлов. Типография Кубанского областного правления, 1911 // Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. – М.: Изд. Надыршин, 2008. С. 522-831.
4. Вся Донская область и Северный Кавказ на 1911 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Изд. А.И.Тер-Абрамяна. Год издания, XVII. Ростов-на-Дону, 1911. С. 140-141.
5. ГАКК Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 145-145-об.
6. Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар: Традиция, 2009. С. 274.
7. Кубанские календари на 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916 годы (раздел «Духовное ведомство»).
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4-об.
9. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная церковь. М.: Вече, 2007. С. 229, 384-385.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4-об.
11. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 32-37.
12. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 2-6-об.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 11-11об.
14. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 58.
16. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 39-40.
17. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.
18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.
19. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 65.
21. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 62.
22. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 106. Д. 37. Л. 35-53.
23. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 59-60.
24. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 95.
25. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 130.
26. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 131.
27. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 132.
28. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 132.
29. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 18.
30. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 19.
31. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 92.
32. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 98.
33. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 100.
34. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 41, 51.
35. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 42.
36. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.
37. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4-об.
38. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 84.
39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 65-66.

40. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 65; Д. 1. Л. 107.
41. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 56. Л. 96-97.
42. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 5-6.
43. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 4-5.
44. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.
45. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 34.
46. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 35.
47. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 67.
48. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 68.
49. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 91.
50. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 59. Л. 119.
51. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 67. Л. 7-8.
52. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.
53. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 67. Л. 9-10.
54. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 67. Л. 22.
55. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 74. Л. 3.
56. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 74. Л. 78, 108; Д. 81. Л. 2-3.
57. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 69. Л. 47.
58. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 57-58.
59. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 115-116.

Статья опубликована в сборнике материалов XIV международной научно-практической конференции «Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность» (г. Краснодар, 28 февраля 2014 г.), организованной Академией маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ и Краснодарским краевым общественным фондом памяти Ф.А. Щербины.